

ГАМЛЕТА ИГРАЕТ МАРЦЕВИЧ

«Лица, созданные Шекспиром, не суть как у Мольера типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков; обстоятельства развивают перед зрителем их разнообразные характеры».

Так писал Пушкин. И эти слова, сказанные по отношению ко всем образам великого английского драматурга, вдвойне верны, когда заходит речь об одном из самых сложных шекспировских героев — Гамлете.

Кто-то метко заметил, что о принце Датском написано больше, чем о самом Шекспире. И цитата из Пушкина вспомнилась здесь лишь для того, чтобы напомнить: сыграть роль Гамлета не каждому под силу. Тут нужен и недоуменный талант, и огромный сценический опыт, и совершенное, отточенное владение актерским искусством. Не случайно, исполнители, работавшие и работающие над этим образом, как правило, чуточку старше своего героя. Ведь и сам Гамлет с его философскими размышлениями, самоанализом, ненавистью к фальши и разврату двора Клавдия выглядит в трагедии не по годам возмужавшим и зрелым.

Э. Марцевич — исполнитель роли Гамлета в спектакле театра им. Вл. Маяковского — моложе своего героя. Добавьте к этому, что он делает первые шаги в своей сценической биографии, и вы поймете, как велика ответственность, взятая на себя мо-

лодым артистом, какие чеюверные трудности должен был он преодолеть... Тем более, что он занят в спектакле, где эту же роль интересно и очень темпераментно, умно и своеобразно играет такой талантливый актер, как Е. Самойлов. Обе работы невольно напрашиваются у зрителя на сравнение, и в них не должно быть повторов, не должно быть однообразия, копирования.

Марцевича можно упрекнуть в просчетах. Одни черты Гамлета удаются ему лучше, другие — хуже. Но он — и это безусловно откровенно отметить — самостоятелен в своей трактовке образа. Он не повторят пусть даже верных и законченных, но чужих решений. Его Гамлет своеобразен и оригинален, он понят так, как понимает героя молодое трепетное сердце, острый, увлекающийся ум...

Гамлета — Марцевича прежде всего отличает нетронутая юношеская чистота, мечтательность, вера в хорошее. Он весь пропитан высокими идеалами, которые ему необычайно дороги и святы. И вдруг жизнь обрушивается на принца всей своей циничной откровенностью... Первый и самый болезненный удар — измена матери. Этот поступок жестоко бьет по чувствам Гамлета-сына. Но еще более возмущает он у Марцевича Гамлета-человека. Принц любит мать и не может видеть ее, ему ненавистны ее слабость, моральное уродство. Вот почему он сторонится Гертруды, Клавдия, все время ищет повода, чтобы уйти, сбегать из круга?..» дворцовой знати, который не может не претить человеку, если он честен и благороден. С каким остервенением и желчью произносит Гамлет-Марцевич слова об окружающем его мире, напоминающем: «сад, поросший сорняком». «Весь мир — тюрьма со множеством затворов, темниц и подземелий, причем Дания — одна из худших».

В каждом из этих слов — гнев обвинителя, и в каждом из них — вера и неверие. Именно неверие. Гамлету-гуманисту не хочется верить в низменное, в засилие грязи и порока. Его томит настоящая жажда перепроверять все и вся. Ему еще и еще раз хочется убедиться в виновности короля, в извести королевы, в бессилии Офелии... Слишком страшен и отвратителен их мир, чтобы его можно было воспринять сразу...

Так Марцевич начинает объяснять раздвоенность Гамлета, его постоян-

АКТЕРЫ и роли

ный уход в собственные размышления и отчаяние. Отчаяние — потому, что Гамлет говорит у Шекспира:

«Век расшатался, — и скверней всего,

Что я рожден восстановить его.

Но начать, не значит осуществить до конца. К сожалению, Гамлет у Марцевича чаще выглядит человеком бурных чувств и режы — человеком тревожной мысли, мучительно раздумывающим над тем, что у него нет сил восстановить «расшатанный век». А ведь у Шекспира чем дальше, тем больше Гамлет корит себя за собственное бездействие, болезненно воспринимает свою нерешительность... Вспомните хотя бы монолог «Быть или не быть?..» В этом монологе Марцевич — обвинитель «плетей и глумлений века». Он бичует «гнет сильного, насмешку гордеца, боль презренной любви, судей-медлительность, заносчивость властей и оскорбленья...» Но здесь почти нет Гамлета, ищущего выхода, Гамлета, переживающего свою нерешительность, Гамлета, охваченного миллионом терзаний и раздумий...

Словом, Гамлет в спектакле несколько проигрывает Шекспиру. Тут, очевидно, сказывается и то, что исполнитель все же младше своего героя, и то, что он только начинает свою сценическую биографию. Ему временами не хватает мастерства, избыток чувств находит выход только в форсировании голоса. Часто актер не в ладах с шекспировским стихом. И все-таки успех Марцевича несомненен. Офелия говорит о Гамлете:

«О что за гордый ум сражен!

Вельможи
Бойца, ученого — взор, меч, язык.
Цвет и надежда радостной

державы,
Чекан изящества, зеркало вкуса,
Пример примерных...»

Пусть не во всем, но во многом Гамлет Марцевича близок этой характеристике. Он исполнен, выражаясь словами Пушкина, «многих страстей»...

Л. МИШИН.